

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ПРИ ОТПРАВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2022 г. М. А. Малина

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

E-mail: bestar@yandex.ru

Поступила в редакцию 06.05.2021 г.

Аннотация. В статье исследуются проблемы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве, в большей мере затрагивая сферу отправления правосудия по уголовным делам. Обосновывается вывод о том, что в доказывании искусственный интеллект может применяться в ограниченных пределах — лишь для контроля допустимости доказательств. Рассматривается вопрос о возможности применения цифровых программных систем для квалификации совершенного деяния. Обосновывается ошибочность подхода, согласно которому искусственный интеллект может принимать участие в назначении подсудимому наказания. В качестве основного направления для использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве определяется решение задач оптимизации аппаратно-технических, организационных, документальных и прочих процессов, а также работа по исключению ошибок юрико-технического характера.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, собирание доказательств, оценка доказательств, допустимость доказательств, теория формальных доказательств, искусственный интеллект, суд, внутреннее убеждение судьи, правосудие, толкование правовой нормы, назначение наказания.

Цитирование: Малина М.А. Использование искусственного интеллекта при отправлении правосудия по уголовным делам: проблемы и перспективы // Государство и право. 2022. № 1. С. 91–97.

DOI: 10.31857/S102694520018277-5

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE ADMINISTRATION OF CRIMINAL JUSTICE: PROBLEMS AND PROSPECTS

© 2022 M. A. Malina

Southern Federal University, Rostov-on-Don

E-mail: bestar@yandex.ru

Received 06.05.2021

Abstract. The article explores the problems of using digital technologies in the administration of criminal justice. The conclusion is justified that in evidence artificial intelligence can be used to a very limited extent — only to control the admissibility of evidence. Consideration is being given to the possibility of using digital software systems to qualify the act committed by the accused. The erroneous approach is justified, according to which artificial intelligence can take part in the sentencing of the defendant. As the main direction for the use of information technologies in criminal proceedings, the solution of the tasks of optimizing hardware and technical, organizational, documentary and other routine processes, as well as work to eliminate errors of a legal and technical nature, is determined.

Key words: criminal procedure, collection of evidence, evaluation of evidence, admissibility of evidence, theory of formal evidence, artificial intelligence, court, internal conviction of the judge, justice, interpretation of legal norm, imposition of punishment.

For citation: Malina, M.A. (2022). The use of artificial intelligence in the administration of criminal justice: problems and prospects // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 1, pp. 91–97.

Вопросы использования информационных технологий в уголовном судопроизводстве становятся все более актуальными. И в этом нет ничего удивительного, т.к. уже вряд ли возможно представить себе какую-либо сферу жизнедеятельности человека, не затронутую всем известной «цифровизацией». Ее плюсы очевидны: это оптимизация материально-технических, организационных, экономических аспектов, исключение возможных ошибок в принятии решений (минимизация пресловутого «человеческого фактора») и многое другое. Вместе с тем специфика уголовно-процессуальной деятельности предполагает обязательную полноценную регламентацию этого важного и, бесспорно, неизбежного процесса, установление границ и продуманных правил использования компьютерных технологий. Для этого необходимо прежде всего на доктринальном уровне разработать комплекс положений принципиального характера, которые позволят направить цифровизацию уголовного судопроизводства в нужное русло и избежать возможных негативных последствий таких новаций.

Следует отметить, что на практике использование информационных технологий представляет собой не что иное, как реализацию соответствующих компьютерных программ. В их основе лежат специально разработанные алгоритмы, которые оперируют структурированными, формализованными исходными данными. При этом не всегда последние изначально представлены в цифровом виде. Часто программные алгоритмы создаются для обработки информации о всевозможных явлениях окружающей действительности — в таких случаях набор исходных данных формируется при помощи математического моделирования, т.е. путем математического отражения, формального представления реальности. Таким образом, в качестве отправной точки для исследования проблем и перспектив применения цифровых технологий в уголовном процессе необходимо в качестве важной аксиомы ввести следующее положение: запрограммировать можно лишь то, что подлежит формализации (аксиома 1).

Именно это правило следует использовать при ответе на вопрос о возможности использования информационных технологий в доказывании. Собираение доказательств в уголовном процессе предполагает получение искомых сведений из установленного в законе перечня источников, исключительно регламентированными законодателем способами (исчерпывающий перечень следственных действий) и соответствующими субъектами доказывания. Такая формализация этой деятельности обеспечивает получение доброкачественных доказательств, служит неукоснительному соблюдению прав личности при проведении

следственных действий. Соответственно, и применение информационных технологий здесь вполне оправдано. Система может выполнять функцию проверки допустимости доказательств, играть роль своеобразного программного «фильтра», позволяя приобщить к материалам уголовного дела только сведения, полученные из надлежащих источников, надлежащими субъектами и надлежащим способом. Естественно, что всю сопутствующую процессу собирания доказательств работу документально-технического, то есть рутинного характера, также успешно может выполнять соответствующий программно-аппаратный комплекс.

Но если говорить об оценке доказательств, то здесь ситуация совершенно иная. В российском уголовном судопроизводстве действует принцип свободы оценки доказательств по внутреннему убеждению. Соответственно, какая-либо формализация этого процесса исключена, что автоматически делает невозможным и применение здесь цифровых технологий (аксиома 1).

И здесь возникает важный вопрос: целесообразен ли возврат к теории формальной оценки доказательств, так сказать, в новых условиях, в условиях активного развития цифровизации всей общественной жизни? Действительно, существовавшая ранее теория формальных доказательств с их предустановленной силой словно была специально создана для математического моделирования и программной обработки данных. Судья обязан был использовать закрепленную в законе «шкалу» силы доказательств и производить их процессуальный «подсчет», действуя исключительно механически, как компьютер. По сути, мы имеем готовую модель доказательственной деятельности, содержащую все необходимые атрибуты для ее успешной цифровизации (аксиома 1).

При этом одним из основных аргументов в пользу упразднения теории формальных доказательств выступала идея о том, что никакая «шкала» их предустановленной силы, не сможет охватить, отразить все многообразие жизни¹. Поэтому судья часто оказывался настолько скован, связан в своей познавательной деятельности и в оценке доказательств, что вынужден был действовать наперекор своему внутреннему убеждению, принимать несправедливые решения². Сегодня же этот аргумент выглядит довольно спорным, так как технические возможности хранения и обработки информации

¹ См., напр.: Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Голков. М., 2016. С. 422.

² См., напр.: *Владимиров Л. Е.* Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 86.

практически неограниченны³. Идею о «шкале» предустановленной силы доказательств можно воплотить в жизнь следующим образом: в соответствующую базу данных можно загружать и ранжировать такое количество сведений, отражающих всевозможные комбинации видов доказательственно значимых информационных элементов, которое со временем вполне может приблизить нас к полному учету самых разнообразных ситуаций при установлении предмета доказывания.

Более того, современные информационные технологии включают и системы обучения. Алгоритм отслеживает конечный результат, полученный вследствие проведенных им операций, и, если он будет неудовлетворительным, вносит соответствующие корректировки в правила принятия промежуточных решений. Приведем пример, касающийся как раз гипотетической возможности цифровизации процесса оценки доказательств и разработки специальной «шкалы» их предустановленной силы. Полноту и правильность заполнения этой «шкалы», а равно и правила необходимых для оценки доказательств «вычислений», можно корректировать в зависимости от количества отмен в апелляционной инстанции соответствующих приговоров ввиду их необоснованности. Задача-максимум здесь — свести их число к нулю. Алгоритм «запоминает» и исключает ошибочные элементы «шкалы» силы доказательств и правил их оценки, каждый раз улучшая, тем самым, конечный результат. Он словно обучается, выстраивая все более прочные корреляционные связи. Благодаря такому подходу, имитирующему в некотором смысле процесс человеческого мышления, цифровые системы с возможностью самообучения часто именуют сегодня искусственным интеллектом.

Таким образом, возврат к теории формальной оценки доказательств можно себе представить только при условии активного внедрения здесь информационных технологий с целью цифровизации всего процесса доказывания по уголовным делам. Но, несмотря на возможности искусственного интеллекта и на весь его потенциал, такое развитие событий представляется недопустимым. И дело здесь вот в чем. При оценке доказательств в духе инквизиционной процессуальной «арифметики», осуществляемой даже при помощи современных цифровых технологий, принципиально невозможно учесть нравственно-психологические аспекты произошедшего. Как справедливо отмечал И.Я. Фойницкий, связывающие суд предустановленные правила формальной теории доказательств

исключают необходимую «эластичность» доказательственной системы — они не в состоянии «обнять всего разнообразной духовной жизни человека и потому вредны для правосудия»⁴. Только оценка доказательств по внутреннему убеждению сможет обеспечить живое, целостное восприятие каждого конкретного случая, когда ведущее судопроизводство лицо руководствуется при этом не только законом, но и совестью. Об этом в свое время писал А.Ф. Кони, определяя свободу оценки доказательств в качестве одного из «коренных» начал правосудия и называя суд «живым организмом», который «призван прилагать все силы ума и совести, знания и опыта, чтобы постигнуть житейскую и юридическую правду дела»⁵.

Но о каком живом восприятии действительно, о каком понимании духовной жизни человека, о какой совести и правде может идти речь применительно к искусственному интеллекту? Это не человек, ему чужда мораль, у него нет совести, чувства справедливости, в конце концов ему не знаком страх смерти. Именно поэтому в научном сообществе активно обсуждаются вопросы определения правового статуса роботов⁶, проблемы регулирования развития искусственного интеллекта с целью предотвращения замены человека машинным алгоритмом⁷, проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия⁸. Искусственный интеллект не способен следовать началам непосредственности при исследовании доказательств, потому что здесь действительно необходимо знать жизнь, понимать жизнь, адекватно воспринимать ее проявления. Например, еще согласно доказательственным правилам сборника Ману нельзя было вызвать в суд в качестве свидетеля аскета, «ибо отрешенность от мира лишила его понимания интересов гражданской жизни», при этом суд не должен был доверять «свидетельству, побуждение которого — дружба, страх, вражда, гнев и т.д.»⁹.

В целом экспериментальное применение цифровых технологий в уголовном судопроизводстве показывает, что искусственный интеллект по

⁴ Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 13.

⁵ Кони А.Ф. Избр. произведения / сост. А.Б. Амелин. М., 1956. С. 19, 20.

⁶ См., напр.: Некрасов В.Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 135–137.

⁷ См., напр.: Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // The Wall Street Journal. 2017. July 15.

⁸ См.: Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7

⁹ Владимиров Л.Е. Указ. соч. С. 110.

³ Например, ныне активно развивается технология «Большие данные» (Big Data), позволяющая хранить и обрабатывать поистине колоссальные объемы самой разнообразной информации.

большому счету выполняет роль «умного» обработчика соответствующей статистической информации. Накапливая сведения об основных характеристиках конкретных уголовных дел (исходные данные) и об их итоговых решениях (конечный результат), система постепенно устанавливает все более точные корреляционные связи между поступившей в банк данных судебных решений первичной информацией и конечными результатами разрешения уголовных дел. Именно поэтому за громкими заявлениями о том, что, например, в США создали предсказывающую решения Верховного суда программу, следует вполне логичное объяснение: искусственный интеллект «угадывает» правильный результат в 70% случаев, благодаря анализу информации из базы данных решений Верховного суда США (начиная с 1952 г.)¹⁰. В КНР технологии искусственного интеллекта позволяют заранее оценить перспективы судебного разбирательства для каждой из сторон, опираясь на сохраненные в системе многочисленные судебные решения и примерно 7000 законов этого государства¹¹. Приведем еще пример. Для «предугадывания» решений Европейского Суда по правам человека в Соединенном Королевстве был использован программный алгоритм, «натренированный» на основе 584 постановлений. В итоге — 79% правильных результатов. Сами эксперты при этом признают, что искусственный интеллект полезен для «быстрого выявления закономерностей в делах, которые ведут к определенным результатам разбирательств»¹².

Таким образом можно сделать следующий вывод: искусственный интеллект способен лишь к имитации познания действительности. Все его выводы будут здесь опираться не на реальные результаты всестороннего, глубокого исследования произошедшего, а лишь на статистические выкладки из огромных хранилищ данных, способные охватить самый поверхностный «слой» жизненных проявлений. Поэтому только в отношении рутинных юридических процедур всерьез могут рассматриваться часто встречающиеся высказывания о возможном вытеснении искусственным интеллектом и самих юристов¹³. Соответственно, следует согласиться с мнением Л.В. Головки о том, что говорить о революционном значении искусственного интеллекта

в уголовном судопроизводстве и о сломе классического уголовного процесса не стоит¹⁴.

Соответственно, следующее ключевое положение исследования можно определить так: искусственный интеллект не обладает нравственными качествами (аксиома 2). Следовательно, применение цифровых технологий для оценки доказательств неприемлемо, даже в условиях возрождения теории формальных доказательств с их предустановленной силой.

Установление фактических обстоятельств дела является целью доказывания и выступает в качестве начальной стадии процесса применения права. После установления действительной картины произошедшего суд должен применить норму права к конкретным обстоятельствам. Необходимо осуществить правильный выбор этой нормы, то есть дать верную юридическую квалификацию действиям обвиняемого. Для этого выбранная норма должна подвергнуться тщательной проверке — применима ли она в данном случае, нет ли здесь каких-либо противоречий, расхождений? Для ответа на эти вопросы норму следует подвергнуть всестороннему толкованию. И только после осуществления этих действий можно перейти к стадии принятия решения по делу и назначения виновному справедливого наказания.

На первый взгляд выбор соответствующей правовой нормы, ее проверка и толкование может осуществляться с использованием информационных технологий. Действительно, фактическая сторона дела уже установлена — что мешает разработать программный алгоритм подбора нормы Уголовного кодекса РФ, точно соответствующей признакам совершенного деяния? Исходный перечень таких норм закреплен законодателем исчерпывающим образом, применение аналогии закона в уголовном праве запрещено. Правила применения норм общей части уголовного права (о стадиях совершения преступления, о формах соучастия и т.д.) определены и имеют логически стройную внутреннюю структуру. Далее, проверка действия данной нормы во времени, в пространстве и по кругу лиц так же предполагает набор неких формально-логических операций. Поэтому может показаться, что никаких проблем включение данных действий в компетенцию искусственного интеллекта не вызовет.

Вместе с тем отдельное внимание здесь необходимо уделить вопросу о возможности искусственного интеллекта осуществлять толкование правовых норм. Если рассматривать данную проблему

¹⁰ См.: Малько А.В., Костенко М.А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Росс. юстиция. 2019. № 2. С. 53.

¹¹ См.: Незнамов А.В. О направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему // Информационное право. 2019. № 3. С. 46.

¹² Малько А.В., Костенко М.А. Указ. соч. С. 53.

¹³ См., напр.: Лессиг Л. Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов // Закон. 2019. № 5. С. 17.

¹⁴ См. подр.: Головка Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.

с сугубо формальной стороны, складывается впечатление, что цифровые технологии здесь вполне применимы. Приведем несколько примеров в отношении способов толкования норм права.

Грамматическое толкование представляет собой анализ текста правовой нормы, выявление морфологических, стилистических характеристик, установление лексической связи между словами. Уже излишне говорить о способностях искусственного интеллекта в сфере работы с текстами. В этой области успехи, действительно, удивляют. Компьютер пишет тексты, которые уже защищаются авторским правом, осуществляет качественные переводы текста на любые языки и т.д.

Логическое толкование представляет собой интерпретацию нормы в соответствии с законами логики. Но программные алгоритмы в самом общем виде как раз и представляют собой комплексы взаимосвязанных логических операций, т.е. вполне способны решать логические задачи.

Систематическое толкование предполагает установление взаимосвязи между нормами, рассмотрение их в системном единстве. Сама система законодательства предусматривает упорядоченное расположение правовых норм, их иерархию, внутреннюю согласованность. Очевидно, что и здесь цифровые технологии могут быть использованы для оптимизации поиска и выявления системных взаимосвязей правовых норм. Более того, в этом ключе положительно зарекомендовали себя компьютерные справочно-поисковые программы правовой направленности («КонсультантПлюс», «Гарант» и др.), предоставляющие удобные и эффективные сервисы для работы.

Список примеров можно продолжить, но следует подчеркнуть, что говорить о возможности использования здесь информационных технологий можно только при представлении способов толкования правовых норм в виде взаимосвязанных формально определенных правил. Такой подход представляется неполным и по большому счету ошибочным. Наряду с ментальной составляющей, которую абстрактно можно представить в виде некоего логического «каркаса», толкование нормы права включает еще один аспект — правосознание участвующего здесь субъекта. Условно говоря, если сами правила толкования можно назвать «буквой» данного феномена, то правосознание представляет собой его «дух».

При этом если интеллектуальный элемент правосознания (правовая идеология), являясь некой синтезирующей силой для объединения правовых идей, мыслей, точек зрения, теоретически может быть обработан искусственным интеллектом, то психологическая составляющая правосознания (правовая психология) для него просто неуловима.

Это чувства, эмоции воспринимающего право субъекта, это оценка им нормы права при ее толковании не умом, но «сердцем» — некий психологический отклик его человеческой природы на установленное нормой правило. Причем этот элемент правосознания является определяющим, первостепенным в его структуре, выступает движущей силой для правовой идеологии. И.А. Ильин писал о правосознании, что это «естественное чувство права», «инстинктивная воля к духу, к справедливости...»¹⁵. Исходя из этого целесообразно так определить следующее теоретическое положение данного исследования: искусственный интеллект не способен выступать носителем правосознания (аксиома 3). Поэтому цифровые технологии не могут быть использованы при толковании правовых норм и, соответственно, выполнять в правоприменительном процессе иной роли, кроме технически-вспомогательной: быстрый и эффективный поиск нормативных актов, данных правоприменительной практики, статистики, разъяснений Пленума Верховного Суда РФ (далее — Пленум) и др.

Заметим, что эти разъяснения Пленума также не могут быть использованы в качестве исходных начал для наделения цифровых систем функцией правоприменения, что на первый взгляд кажется возможным из-за содержащихся в них правил и инструкций для нижестоящих судов. Действительно, а не имеем ли мы здесь готовые алгоритмы для осуществления правосудия? Не следует ли воплотить постановления Пленума Верховного Суда РФ в виде специального программного комплекса, куда в качестве исходных сведений загружать соответствующие материалы конкретного дела и практически мгновенно получать искомый результат — разрешение правового конфликта в полном соответствии с позицией Пленума? Тогда и судья, собственно говоря, уже будет не нужен — искусственный интеллект его заменит.

Руководствуясь вышеизложенной логикой, следует однозначно заключить: такая ситуация невозможна в принципе. Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ представляют собой акты толкования норм права, необходимые для обеспечения единства судебной практики. Участниками этого процесса как с разъясняющей стороны (толкование-разъяснение), так и со стороны уясняющей (толкование-уяснение) являются только судьи — профессиональные носители правосознания наивысшего качества. А.Ф. Кони писал, что именно в стадии толкования закона судьей в максимальной мере проявляется «разумная человечность», которая «составляет один из элементов

¹⁵ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 82.

истинной справедливости»¹⁶. Поэтому, несмотря на кажущуюся формализованность соответствующих правил и инструкций, без развитого правосознания ни правильно понять их, ни воплотить в жизнь надлежащим образом невозможно. Искусственный интеллект здесь, как было показано выше, бессилен (аксиома 3).

После разрешения вопросов квалификации суд должен назначить подсудимому справедливое наказание. Вопрос об использовании здесь информационных технологий привлек особое внимание научного сообщества: в мае 2019 г. в г. Баку состоялась презентация компьютерной технологии определения наказания под названием «Электронные весы правосудия». Ее создатели стремились воплотить в жизнь идею о непредвзятом судье, о судье, лишенном таких человеческих пороков, как корысть, субъективизм, злоупотребление служебным положением и т.д.¹⁷ Вместе с тем, как и следовало ожидать, все свелось к формализации правил назначения наказания: речь вновь идет о «методе шкалирования», о позитивных и негативных баллах и т.д. (аксиома 1)¹⁸.

Не вдаваясь в детали предложенной концепции, на самом общем уровне можно сформулировать вопрос так: может ли искусственный интеллект выполнять задачу назначения наказания при условии, что он не обладает нравственными качествами (аксиома 2) и не может быть носителем правосознания (аксиома 3)? Конечно же, нет.

В этом ключе следует обратить внимание на подход, изложенный А.Ф. Кони: наказание представляет собой не только правовое, но и бытовое явление, его нельзя «прилагать механически ко всякому однородному преступлению одинаково»¹⁹. Суд имеет дело не с «однообразной формулой отношения деятеля к деянию», а с т.н. «преступным состоянием». Схематично его можно изобразить в виде круга, в центре которого находится сам подсудимый, а в качестве ведущих к этому кругу «радиусов» определены все стороны его личности: психологическая, антропологическая, общественная, экономическая, бытовая, этнографическая и патологическая. Механическое назначение наказания, осуществляемое без учета всех этих факторов А.Ф. Кони назвал «великой несправедливостью»²⁰.

¹⁶ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 30.

¹⁷ См.: Рагимов И.М., Алиперов Х.Д. Электронные весы правосудия (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 13.

¹⁸ См.: там же. С. 9–11.

¹⁹ Кони А.Ф. Указ. соч. С. 32.

²⁰ Там же.

Искусственный интеллект не в состоянии «понять» ни психологического, ни бытового, ни какого-либо иного аспекта личности подсудимого, он не сможет правильно осуществить индивидуализацию наказания и необходимую здесь оценку доказательств (данные о личности подсудимого и др.), не способен к толкованию права, а значит, и к правоприменению в принципе. Как справедливо отмечал С.С. Алексеев, «правосудие — это не механическое претворение в жизнь писанных юридических предписаний..., а само живое право, право в жизни»²¹. В этом смысле точными представляются слова Н.А. Колоколова о «сакральной» природе судебной деятельности²².

Вместе с тем цифровые системы могут принести большую пользу в качестве вспомогательных инструментов для ведущего судопроизводства лица в решении вопроса о допустимости доказательств, а также для оптимизации аппаратно-технических (системы видеоконференцсвязи, аудио-протокол и др.), организационных (распределение уголовных дел между судьями, проверка состава суда, оптимальное назначение даты судебного заседания и др.), документальных (помощь в формировании списка кандидатов в присяжные заседатели, документооборот и т.д.) и прочих рутинных процессов. Возможность самообучения позволит решать данные задачи на более высоком уровне. При этом преимущество применения здесь искусственного интеллекта заключаются не только в его способности к оптимизации, но и в возможности исключения всевозможных юридико-технических ошибок. Использование искусственного интеллекта в этом направлении представляется полезным и целесообразным, т.к. это может повысить эффективность отправления правосудия по уголовным делам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 256.
2. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 86, 110.
3. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
4. Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. С. 82.
5. Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.

²¹ Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 256.

²² См.: Колоколов Н.А. Компьютер вместо судьи — арифметика вместо души // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 7.

6. Кони А.Ф. Избр. произведения / сост. А.Б. Амелин. М., 1956. С. 19, 20, 30, 32.
7. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М., 2016. С. 422.
8. Лессиг Л. Искусственный интеллект вытеснит широкий пласт юристов // Закон. 2019. № 5. С. 17.
9. Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7
10. Малько А.В., Костенко М.А. Цифровые технологии в судебной системе: проблемы внедрения // Рос. юстиция. 2019. № 2. С. 53.
11. Незнамов А.В. О направлениях внедрения технологий искусственного интеллекта в судебную систему // Информационное право. 2019. № 3. С. 46.
12. Некрасов В.Н. Уголовная ответственность роботов: актуальные проблемы и направления дальнейшего развития // Государство и право. 2019. № 5. С. 135–137.
13. Рагимов И.М., Аликперов Х.Д. Электронные весы правосудия (цели, возможности, преимущества) // Уголовное судопроизводство. 2019. № 3. С. 9–11, 13.
14. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. I. С. 13.
15. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // The Wall Street Journal. 2017. July 15.
3. Golovko L. V. Digitalization in criminal proceedings: local optimization or global revolution? // Herald of Economic Security. 2019. No. 1. P. 15–25 (in Russ.).
4. Ilyin I. A. On the essence of legal consciousness. M., 1993. P. 82 (in Russ.).
5. Kolokolov N. A. Computer instead of judge – arithmetic instead of soul // Criminal proceedings. 2019. No. 3. P. 7 (in Russ.).
6. Koni A. F. Selected works / comp. A. B. Amelin. M., 1956. P. 19, 20, 30, 32 (in Russ.).
7. The course of criminal procedure / ed. by L. V. Golovko. M., 2016. P. 422 (in Russ.).
8. Lessig L. Artificial intelligence will displace a wide layer of lawyers // Law. 2019. No. 5. P. 17 (in Russ.).
9. Mal'ko A. V., Afanasyev S. F., Borisova V. F., Krotkova N. V. Problems of digitalization in the field of justice // State and Law. 2020. No. 10. P. 151–159. DOI: 10.31857/S102694520012242-7 (in Russ.).
10. Mal'ko A. V., Kostenko M. A. Digital technologies in the judicial system: problems of implementation // Russ. Justice. 2019. No. 2. P. 53 (in Russ.).
11. Neznamov A. V. On the directions of the introduction of artificial intelligence technologies into the judicial system // Information Law. 2019. No. 3. P. 46 (in Russ.).
12. Nekrasov V. N. Criminal liability of robots: current problems and directions of further development // State and Law. 2019. No. 5. P. 135–137 (in Russ.).
13. Rahimov I. M., Alikperov H. D. Electronic scales of justice (goals, opportunities, advantages) // Criminal proceedings. 2019. No. 3. P. 9–11, 13 (in Russ.).
14. Foyntsky I. Ya. Course of criminal proceedings. SPb., 1996. Vol. I. P. 13 (in Russ.).
15. Higgins T. Elon Mask Lays Out Worst-Case Scenario for AI Threat // The Wall Street Journal. 2017. July 15.

REFERENCES

1. Alekseev S. S. Theory of Law. M., 1995. P. 256 (in Russ.).
2. Vladimirov L. E. The doctrine of criminal evidence. Tula, 2000. P. 86, 110 (in Russ.).

Сведения об авторе

МАЛИНА Максим Александрович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета; 344002 г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Authors' information

MALINA Maxim A. — PhD in Law, associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminology, Faculty of Law, Southern Federal University; 88 M. Gorky str., 344002 Rostov-on-Don, Russia